

реализовал страшную утопию автора “Возмездия”. В этом смысле можно говорить о том, что Алексей Толстой (в образе деревянного Буратино) попытался вернуться в старый мир, где он – человек – в том же театре Мейерхольда мог видеть людей-кукол предреволюционной поры.

Жизнь, однако, не стояла на месте. И те, кто жил дальше, пытались писать и ставить новые пьесы. В этом смысле наше внимание привлекла рецензия Блока на пьесу В. Мейерхольда и Ю. Бонди “Алинура”, написанную 3 сентября 1918 г. Интересна эта рецензия не только тем, что посвящена она *детской пьесе*, ведь в 1918 г. Блок отрецензировал целый ряд подобных сочинений, в числе которых была, например, и пьеса М. Кузмина “Два брата, или Счастливый день”. Кстати, в этой рецензии Блок формулирует свои взгляды на сказку и детскую драматургию: «Большая часть детских пьес – бесцветна и пресна, но пресность эта часто приемлема, потому что дети сами могут послать пресное. Очень немногие пьесы проникнуты нежным и чистым духом сказки, духом, который счастливо умеет сочетать искусство с нравственностью, “возвышающий обман” с правдой жизни (...) Что же касается пьесы Кузмина, то в ней нет ничего пресного; напротив, все так пропитано пряностью, что я бы детей и близко не подпустил. Дети нашего времени, и без того пропитанные патологией, могут воспринять это совсем не так, как воспримет умудренный художественными и другими опытами эстет, впадающий в рамолимент, коему и предстоит, надо думать, удовольствие нюхать эти новые китайские цветы. А мы за него порадуемся» [19, с.315].

Так и кажется, что эта рецензия, впервые опубликованная в 9 томе берлинского собрания сочинений Блока в 1923 г. оказалась программой переработки берлинского “Пиноккио”, вышедшего практически тогда же.

Однако вернемся к рецензии на пьесу В. Мейерхольда и Ю. Бонди. Обратим внимание на то, как Блок пересказывает содержание этой сказки, являющейся обработкой “Звездного мальчика” Оскара Уайльда. Быть может, что-то в этой сказке напомнит нам сюжетные повороты “Буратино” или “Пиноккио”.

Итак: “Два дровосека стараются согреться зимой в лесу. В ивовый куст перед ними падает звезда. Они бросаются к кусту, думая, что нашли клад. В золотом плаще, найденном в кусте, оказывается спящий ребенок с янтарным ожерельем на шее”. Или: “В третьем действии волшебник Астрахан запирает Алинура в башню, а наутро велит ему найти в лесу монету белого золота, грозя Алинуру плетью. Алинура в напрасном отчаянии ищет монету” и т.д. В итоге, не имеющем отношения к “Буратино” даже опосредованно, “Алинура становится во главе отряда воинов и

объявляет своей невестой дочь дровосека Бельгаис” [20, с. 316–318].

Между тем именно оценка концовки сказки Блоком оказывается принципиально важной для того, чтобы понять отношение Блока на сей раз к проблеме сюжета сказки и особенно ее конца: «Я в таких случаях всегда думаю с грустью, что не стоило рождаться от звезды, падать с неба с янтарным ожерельем на шею и являть черты богоробчества в ранней юности для того, чтобы встать во главе какого-то военного отряда, благополучно жениться и вообще опять начинать путать всю канитель “старого мира” с начала (...) Суть сказки в *пути*, в *бесконечности* ее перипетий, а не в конце, по той простой для меня причине, что конец есть дело не литературы, не театра, не искусства, не жизни... (...) я хочу сказать, что никогда бы на месте авторов не воспользовался обработкой сюжета XVIII века – века, с моей точки зрения, самого чуждого нам и самого далекого от нас, – а всегда предпочел бы обработку XIX века (...) Флобер сумел закончить легенду, сходную с “Алинуром”, целомудренно закутав ее окончание в ночь и в смерть...» [20, с. 318–319].

В этом программном заявлении Блока, которое появилось впервые в сборнике “Репертуар” (1919), можно увидеть целый ряд интереснейших моментов, принципиальных для нашего анализа.

Обратим внимание хотя бы на указание В. Мейерхольда и Ю. Бонди, вынесенное даже в заголовок рецензии Блока, где авторы предлагают играть “Алинура” в “приемах импровизации”. Так жесткий диктатор режиссер Мейерхольд после революции оказывается сторонником сценической импровизации. А некоторые предложения Блока касательно постановки “Алинура” как бы “выворачивают” (в соответствии с апокалиптической логикой) некоторые элементы блоковых рецензии на “Жизнь Человека” Л. Андреева: «Говоря о “Жизни Человека”, нельзя обойти ее петербургскую постановку. Это – можно с уверенностью сказать – лучшая постановка Мейерхольда. Замыслы автора и режиссера слились воедино. “Жизнь Человека” есть истинно сценическое произведение, написанное с каким-то “секретом” для сцены. Я думаю, что в чтении многое теряется. С другой стороны, при *постановке* были изменены некоторые ремарки (курсив наш – Л.К.), и кажется, к лучшему. По крайней мере замечания Андреева по поводу бального зала (третья картина) – сомнительны в сценическом отношении: слишком литературна эта “неправильность в соотношении частей” – двери, несомерно маленькие в сравнении с окнами, и “раздражающее впечатление”, которое производят они (...) Гораздо лучше сделал Мейерхольд, построив толстую серо-белую колоннаду полукругом и посадив на возвышении у каждой колонны на-